

10. Война в Египте.

Восстание пролетариата в Египте. Его предводители - «свирепая демоница Голода» и еврейка по имени Рала (Рахиль). Одиссей оказывается замешанным в смуту, его ранят и бросают в темницу. Его товарищи по заточению – Рала, рабочий Сокол, крестьянин Скарабей и революционер Нил¹. Одиссей оказал содействие восставшим, но не потому, что согласен с ними, а потому, что откликнулся на неясный призыв некоего внутреннего голоса. Юный фараон изнывает от уныния. Он вызывает из заточения Одиссея и Рахиль в надежде, что те поднимут ему настроение и дарует им свободу. Капитан возвращается на корабль. Между тем Петракас и Халикас покинули его. И сюда тоже прибывают с севера белокурые варвары. Фараон выступает с войсками против них. Одиссей отправляется по течению реки, **чтобы уйти от войны.**

**ОДИССЕЙ И РАЛА В ТЕМНИЦЕ
ЗНАКОМСТВО С ВОЖДЯМ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(ЛЕНИН – ТРОЦКИЙ – СТАЛИН)**

430. Рала со страхом и с радостью ноги его целовала.
Трое других заключенных к нему подошли с разговором.
Сокол схватил его грозную руку: совсем исхудававшим
был он, как факела пламя, гонимое ветра порывом.
«Здравствуй, товарищ! Судьба не всегда безрассудна, коль скоро
в нашу пещеру тебя она бросила. Мы тебе рады!
Молот пусть бьет наковальню: пожар мы так, брат мой, раздуем!
Голод и кривда заполнили землю, но день уже близок:
хлебом насытятся тело, сердца возликуют любовью.
Брезжит рассвет того дня: наше сердце его возвещает!»
440. Бодро тогда вострепелась душа Сокрушителя Градов:
«Ну же, воспрянь, о душа, средь тигриц оказавшись в пещере!
Трое огней, извергающих жар, – твои старшие сестры».
Сокол пылать продолжал, как огонь, раздуваемый ветром.
Нил молчаливо стоял у стены, излучая сиянье
445. света, что светит без дыма в сгустившемся воздухе ровно.
Третий поодаль сидел и казался тяжелой землею.
Звали его Скарабей: на коленях лукавый крестьянин
за чужеземцем следил: как ужаленный пчелами, разум
оцепенел у него и решения взвешивал долго.
450. Высокомысленный, новых товарищей взглядом окинув,
души их взвесил, тогда созидавшие мира основы:
яростным пламенем выжечь один вознамерился землю,
грузный крестьянин с ногами в грязи распахать ее грубо,
третий был лучше других и хранил семена для посева.

¹ Сокол (Троцкий) – худой, легко возбудимый и беспокойный как огонь; Скарабей (Сталин) – мрачный и подозрительный крестьянин, обеими ногами стоящий на земле; Нил же (Ленин) умен и рассудителен. Сокол призывает Одиссея присоединиться к их восстанию против голода и угнетения, но Скарабей считает его авантюристом, хитрым судовладельцем, жаждущим лишь личной выгоды; Нил же полагает, что хоть Одиссей и происходит из аристократов, но любит играть с огнём, и потому советует двум своим товарищам принять Одиссея таким, каков он есть. Нил рассказывает Одиссею про союз рабов Египте и как все они ожидают вооруженного подкрепления с моря от варваров-дорийцев. Одиссей отвечает, что не знает, любит ли он звероподобных крестьян или просто больше не хочет принадлежать к упадочной знати, но некий крик в его сердце побуждает его присоединиться к революционерам.

455. Рала взметнулась тогда светлячком, что огнем и сияньем
 воздух сырой в темноте рассекает и все освещает:
 светом брюшко ему Бог облизал голубым и зеленым.
 Многострадальный, любуюсь, глядел в ее черные очи,
 зрел утонченное тело и саблю гнутые губы.

460. «Многих я девушек видел, сгоревших в порыве бездумном,
 как мотыльки среди ночи, стремившихся к новому свету.
 В бурном своем устремлении они забывают о женском
 долге, рожать не желая ребенка: себе отсекают
 пышную грудь, чтоб натягивать лук при стрельбе не мешала.
 Вольные ратуют так одногрудые девы за Бога».

К мужу, который был ранен, приблизилась дева с улыбкой:
 «Ты, чужеземец, устал. Так усни же, хоть взгляд твой пылает:
 души успеют друг друга познать, и в горении слиться».

Свежая девичья длань на главу моряку опустилась,
 470. Разум его поутих, и сомкнулись горящие вежды,
 губы однако еще трепетали, привыкшие молвить.
 Пальцами нежными к этим губам прикоснулась Рала.
 «Спи, мой младенец!» спокойный ее убаюкивал голос.
 Мужеубийца свирепый покорствовал кротости женской:
 разума пятеро врат затворились... Он, вздрогнув, подумал,
 сколь глубока этой чистой юницы мощь: мужа,
 пусть даже бога, в объятьях держала она, словно сына.
 Трое товарищей стали, присевши в углу, совещаться.
 К Соколу строго тогда Скарабей обратился с упреком:

480. «Множество раз говорил я, тебя вразумляя, но тщетно.
 Нетерпелив ты, не сдержан, мои вразумленья впустую.
 Голод, огонь и любовь, корабли, что придут для мести:
 Все ли ему уж успел разболтать твой язык двоеострый?!
 αЯ с подозреньем всегда относился к скитальцам по свету.
 βНе вызывает доверия этот скиталец по свету.

485. Выглядит он корабельщиком хитрым, к труду не способен,
 мир покупает и вновь продает, как ничтожный торговец.
 Бедность и дело возмездья его не заботят нисколько.
 αЗнаю двуличных людей я из рода такого прекрасно:
 βРода такого двуличные люди прекрасно известны:
 быстро уходят они, в очаге не оставив и пепла».

490. Сокол, к колену скалистому друга притронувшись, молвил:
 «Брат мой, великую силу я чувствую в страннике этом,
 Кажется, издалека он, и светится пламенем Крита.
 Молнии пусть он огонь вместе с нами низринет на землю!»
 Нил засмеялся, сверкнув в темноте своим черепом лысым:

495. «Оба разумные речи ведете вы, только не спорьте!
 Он с корабельщиком схож благородным, играющим с огнем.
 Двигается он по земле, растревоженной нашим пожаром.
 С факелом пусть он придет. «В добрый путь!» коль уйти пожелает».
 С факелом пусть он придет. Коль уйти пожелает, так "С Богом!"».

Рала, над мужем огромным склонясь, созерцала безмолвно
 500. Лоб, высоко вознесенный, и бороду с проседью частой,
 башнеобразную шею и грудь во власах кучерявых.
 Губы мужские во сне усмехнулись, она же невольно
 нежно вдохнула, улыбку его разделив неприметно.

Даже во сне путешественник праздности чужд оставался:
505. α был кораблем на волнах его разум, а сон – берегами.
 β был кораблем его разум плывущим, а сон – берегами.
 Ночью поднял паруса и причаливал в гавани тихой.
 Он на пустынном стоял берегу, простиралось море
 гладью вскипавшей свинцовой, над ним высоко грохотало,
 черными тучами скрытое тяжкое небо густое.
510. Средь неподвижного воздуха между землею и небом,
 пену вздымая, стрелой проносилась легкая лодка
 с парусом, туго надутым, сверкающим яркой звездой.
 «Сердце мое!» закричал многостраждущий, вытянув руки.
 Горестно губы во сне изогнулись улыбкою легкой...
515. Эта улыбка от глаз не укрылась внимательных Ралы:
 губы ее отозвались сиянием, радостью тусклой...
 Нил с наступлением дня Семидушному скрытно промолвил
 (труд муравьев под землей их товарищи тяжкий вершили,
 в этот же час корабли от берегов отправлялись далеких):
520. α «Время пришло нам огонь зажигать для спасения сердца!
 β «Время пришло для свободы сердец! Пусть же пламя пылает!
 γ «Время пришло для свободы сердец! Пусть огонь запыхает!
 α Разве известно, что может свершить в безнадежности сердце?!»
 β Знаешь ли, брат мой, что сделать в отчаянье сердце способно?!»
 Новому крику свободы внимал, не ответствуя, Лучник.
 Сердце расширилось, разум воспрянул, не знавший покоя:
525. всяческих вин еще сколько он выпьет, чтоб мир изменился!
 К высям непознанным неба душа человека стремится!
 Новым теперь разрушителям старого мира внимая,
 Лучник вращал головою, исполненной зренья и слуха:
 встала вдруг круто вершина, и был уж он роста другого.
530. Нил наблюдал за ним молча, сияя челом вознесенным,
 долго решение – великое «да» – возгласить собираясь:
 разумом он восхищался, пути к обновленью искавшим.
 Сокол тогда разъяренный воспрянул, ведь сердце его не вмещало
 Яростно Сокол воспрянул тогда, не приемлющий сердцем
 долгих души рассуждений в суровую эту годину.
535. Он и уста уж раскрыл, чтобы высказать гнев громогласно,
 сжал Скарабей их однако ручищей, лишив его слова.
 «Молвить не смей! Пусть душа все измерит, как следует, прежде!»
 Взглядом огромных очей прикипела к устам молчаливым
 Все Познающего* Рала, желания полная, с тайной молитвой:
540. «Боже, пусть скажет он: «да!» и меня никогда не покинет!»
 Медленно Луком Ликующий встал, зазмеились зеницы,
 блеск колдовской излучая, чарующий мрак подземелья.
 «Братья, решает мой разум, расчетливо все измеряя:
 я беднякам злополучным внимаю, внимаю и знати,
545. голос я слышу, связующий вместе и бедных, и знатных:
 грозду подобны они, что подвешен в воздушном пространстве.
 Медленно память проснулась, полны уже недра земные.
 Так ощущаю себя я рожденным женою от мужа.
 Правду коль молвить, не знаю, люблю ли животных, которых
550. простонародьем зовут, или знать, хоть ее презираю:
 чувствую корень единый в моем существе неразрывный.

Братья, лишь в крике я громком уверен, который я слышу:
иль бедняки, голодая, кричат, иль мой собственный разум,
или же, братья, кричит это Бог, облаченный в лохмотья:
555. наземь ему захотелось сойти и властителей свергнуть.
Чей бы он ни был, мне люб этот голос: он кровь пробуждает.
Праведен он? Мне не важно, коль правда меня не заботит.
Внутренний голос я слушаю свой и ему повинуюсь.
560. Сердце мое вопиет, и теперь я, товарищи, с вами!»
Молвил он. Трое товарищей долго молчали в раздумьях.
Другом казался он им дорогим, но и недругом явным.
α Башню какую доверить ему в предстоящем сраженьи?
β Башню какую ему поручить в предстоящем сраженьи?
Нил его за руку взял, изрекая из разума знание:
565. «В нашей борьбе будь товарищем, как пожелаешь –
ради любви, ради гнева иль ради стремления к Богу.
Много труда предстоит, и для всякой души будет дело.
по окончании борьбы, коль душа отомщенья достигнет,
брат мой, обнимемся крепко тогда на распутье дороги!
570. В богоискательство ты устремись, а мы приземленно
будем бороться за правду и хлеб для простого народа,
людям хотя бы немного свободы чтоб дать, коль сумеем».
Лучник однако не слушал, что рек предводитель народный:
слушать устал и устал говорить, усмехался лишь в мыслях,
575. без треволнений, без битвы, спустился он в сад сновидений.
Словно его поджидая тайком, на вершинах воздушных,
сразу же ринулся соколом сон в отдыхающий разум.
Войско сверкало потоком, в жестокую битву стремилось.
Бог проходил, полководец суровый, друзьям друг за другом
580. в очи заглядывал, так беспощадный отбор совершая.
К Лучнику Бог подошел, и в глазах двоемысленных долго
разум его колебался, заглядывал вглубь молчаливо,
видя лису пред собой и бесстрашного льва в то же время.
Легкой стрелою челнок устремлялся по кроснам воздушным:
585. α быстро он ткал Божество в сочетаньях изменчивых нитей.
β быстро он ткал Божество, сочетания нитей меняя.
Тронул тогда за плечо двоерукого* ратей водитель: (δεξοερβοχέρης – обоерукий)
«Пламенный лев и лиса, ты не можешь с блистательным вместе
войском моим устремляться направо, коль смотришь налево,
также налево не можешь разить, коль, играючи взглядом
590. хитрым и хищным, на войско мое ты зришь лукаво.
Как мне с тобой поступить, не развеяв души твоей пылкой?
Поставщиком отправляйся свободным ты к станам обоим
тем и другим доставлять равномерно припасы и брони!»
Молвил так Бог. Засмеялся в ответ в сновиденьи двуликий.
595. Слышали смех изумленно товарищи, к спящему мужу –
к крупным мясистым губам и к огромным ушам наклонившись.
Легче, свежей на земле, когда солнце с нее удалится.
Птицы тогда под крыло свои головы звучные прячут.
Лист примыкает к листу, и деревья смыкаются тесно.
600. Звезды свисают, у ночи в кудрях зацепившись шипами.
С сердце щемящей печалью слепец* на настил корабельный
нищенства трапезу вынес – изгнанников горькую пищу.

а«Вместе со мной появились на свет сетованья и скорби!»
 б«После меня появились на свет сетованья и скорби!»
605. Нет и венца у нас больше, Флейтист*, наши крылья без перьев.
 Нет на кораблике больше укрытия*, нет и убранства
 ценного больше, Флейтист, кроме нас ничего не осталось.
 Жалкие мы и ничтожные, нет храбрецов уже с нами!»
 Остроголовый* тогда усмехнулся, печаль подавляя.
610. «Семь даже саванов будет пускай, но одно ты запомни:
 аВ хитростях непревзойденный, блоху подковать он умеет!
 бНепревзойденный в уловках, блоху подковать он умеет!
 Плачь прекрати, успокойся! В брови у меня пребывает
 червь, наделенный умом: он давать предсказания может.
615. аВижу заранее я, как сюда корабли прибывают
 бВижу в предчувствии я, как сюда корабли прибывают,
 воинов вижу с оружием, как песни поют они, слышу.
 Слышу, как шутят они и смеются, и скрип корабельный».

Бочкообразный приподнял свое многотучное тело:
 «Снова про это медовое слово скажи, головастый!
 Он не откинет копыта, а ум у него искрометный.
620. Долу его не повергнет Харон, даже харкая кровью!
 Нам подкрепиться пора: мне от слов твоих есть захотелось!»
 После еды погрузились в сон, изобильно несущий
 все, что желаем мы тайно, раскрывши просторно объятья.
 Царь молодой возлежал после сладостного пробужденья
625. в свежей купели и евнуха тучного слушал, зевая,
 как тот читает письмо, что доставлено было послами.
 Кипра богатого царь фараону писал молодому.
 В ухо одно заходили слова, выходя из другого:
 «Радости, брат мой, желаю тебе я, богатства, здоровья!
 (в ухо свинец пусть лукавцу войдет, чтоб сего он не слышал!)
630. Многим твоим сыновьям, многим женам, правителям, войску!
 Скот у меня размножается, все петухи плодотворны,
 Мальчиков жены-рабыни рожают, верблюдицы – самок.
 Все хорошо у меня. Отправляю к тебе с письмоношцем
 дюжину медных кусков неподъемных и вин многолетних
635. полных пять пифосов, брат, чтоб ты пил, мне здоровья желая.
 Дар возмещения требует! Пять рукодельниц искусных
 мне ты пришли, чтоб невольниц моих мастерству обучили.
 Также пришли заклинателя, птиц изгонять чтобы хищных.
640. С ними и бога от сглаза пришли, коль имеешь такого.
 Ценные шлю я подарки, ответствуй мне ценными также!»
 Кожу с посланием евнух свернул тучнотелый, закончив.
 После, в поклоне склонившись, царя он спросил об ответе.
 Бледный юнец, пожимая плечами, глаза лишь прищурил.
645. «Как я устал от всего... Позови моих отроков милых!
 Горько мне так, словно яд у меня на устах накопился.
 Шитые златом одежды мои положите под звезды*:
 Звездным очистите светом златые одежды... Я проклят:
 разум мой слаб и, как дерево слабое, чахнет. Цветенья
 больше ему не видать: моя жизнь, мое ложе бесплодны...
650. Все опостыло, устал я и гибну... Сюда приведите
 дерзкую пару, что сжечь моего вознамерилась бога.

Плачем обильным своим они сердце мое успокоят».
Молвил, и бросились черные слуги немедля в темницу,
вывели сразу оттуда на свет драгоценную пару.
655. Шел впереди Семидушный беззвучно, за ним оленицей
шла крутобровая Рала с глядящими дико глазами.